
„КОМУ ВЫШЕПИСАННОЕ
НАСАЖДЕНИЕ ОСТАВЛЮ?“

28 ЯНВАРЯ 1725 года Петр умер. В Манифесте об этом говорилось: «Понеже по воле всемогущего бога всепресветлейший, державнейший Петр Великий, император и самодержец всероссийский, наш всемилостивейший государь сего генваря 28 дня от сего временного мира в вечное блаженство отъиде...»

Тяжело покидал этот временный, но столь дорогой каждому мир великий реформатор России. Вокруг смерти Петра распространено немало легенд и слухов, и замалчивание их в литературе лишь способствовало их широкому хождению*.

Петр умер, не оставив завещания. Однако в литературе и общественном сознании живет легенда о том, что незадолго до смерти он пытался отдать распоряжение о наследнике престола:

Петр написал коснеющей рукой:
«Отдайте все...»

Кроме этих двух слов ничего больше расшифровать не удалось.

Источником этой версии являются «Записки» Г. Ф. Бассевича — придворного голштинского герцога Карла-Фридриха. «Очень скоро после праздника святого крещения 1725 года, — пишет Бассевич, — император почувствовал припадки болезни, окончившейся его

* Согласно выводам специалистов Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, изучивших материалы истории болезни Петра и любезно предоставивших мне возможность ознакомиться с еще не опубликованной статьей на эту тему, смерть царя наступила вследствие азотемии. Причиной ее «явилась либо аденома простаты, приводящая в своей заключительной стадии к задержке мочеиспускания и развитию уремии, либо развившаяся вследствие воспалительного процесса в уретре ее стриктура» (Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Трухачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого, с. 8—9). Важно при этом заметить, что, по мнению многих специалистов, воспалительный процесс в уретре может быть следствием заболевания Петра urethritis gonorrhoeica, но никак не сифилисом.

Посмертная маска Петра I.

смертью. Все были очень далеки от мысли считать ее смертельною, но заблуждение это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился святых тайн по обряду, предписываемому для больных греческою церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина. Страшный жар держал его почти в постоянном бреду. Наконец, в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать — но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после его смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: *«Отдайте все...»* Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут; она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил однакож еще 36 часов¹.

Как справедливо отмечалось в литературе, цель этого эпизода — убедить читателя в том, что Петр намеревался передать престол старшей дочери Анне Петровне — невесте голштинского герцога Карла-Фридриха, сюзерена Бассевича. Совершенно очевидно, что в своих записках,

Цесаревна Анна Петровна. Портрет работы И. Никитина.

Цесаревна Елизавета Петровна. Портрет работы И. Никитина.

сочиненных много лет спустя, Бассевич хотел таким образом упрочить престиж нового голштинского герцога — сына Анны Петровны, будущего Петра III.

Пусть даже Бассевич отразил действительно происшедшие события, они все равно не имели бы реальных последствий, ибо, даже если б удалось разобрать слова, нацарапанные Петром на клочке бумаги или на грифельной доске, это не могло стать формальным государственным актом о престолонаследии. Для признания за ним юридической силы нужен был ряд общепринятых процедур: освящение документа, публичная присяга душеприказчиков царя и т. д. Во всяком случае, будь это или легенда — но Петр умер, не успев распорядиться о наследнике. Вероятнее всего, ни сам 52-летний царь, ни его близкие не думали о столь неожиданной и быстрой кончине. Когда же смерть встала у его изголовья, что-либо предпринимать было уже поздно.

Трудно представить, что Петр вовсе не думал о завещании, — ведь он был давно и тяжело болен. Но даже если он и осознавал близость смерти, решить, кому же оставить в наследство трон и империю, ему было совсем непросто. И в этой ситуации он мог оттягивать момент провозглашения наследника.

Цесаревна Наталья Петровна

В допетровские времена вопрос бы решился достаточно легко: престол по закону переходил по прямой мужской нисходящей линии — от отца к сыну и далее — к внуку. Если бы такой порядок сохранялся, то наследником должен был бы стать внук Петра, Петр Алексеевич, сын царевича Алексея. Однако вся сложность проблемы состояла в том, что Петр так называемым «Уставом о наследии престола» от 5 февраля 1722 года разрушил эту традицию, в корне изменив порядок престолонаследия: отныне самодержцу было предоставлено право самому назначать себе преемника по собственному желанию. «Чего для за благо рассудили мы сей Устав учинить, дабы сие было всегда в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в какую злость, как выше писано, имея сию узду на себе».

Всем подданным предписывалось дать присягу в верности установленному порядку престолонаследия «на таком основании, что всяк, кто сему будет противен, или *инако* как толковать станет, тот за изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет»².

О каком таком толковании «инако» закона самодержца может идти речь и чем вообще вызван был знаменитый «Устав» Петра, внесший в историю России XVIII века столь пагубный для политической жизни страны элемент нестабильности?

Вся ситуация, приведшая к появлению «Устава», была обусловлена трагедией, происшедшей в царской семье незадолго до 1722 года. Первый ее акт завершился 3 февраля 1718 года, когда царевич Алексей Петрович отрекся от своих прав на престол. Это была уже развязка конфликта отца и сына, имевшего длинную предшествующую историю.

На завершающем этапе следствия по делу царевича Алексея Петр заинтересовался глубинными причинами «упрямства» сына. Он распорядился, чтобы П. А. Толстой, главный следователь по этому делу, спросил у Алексея: «Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно, и ни в чем не хотел угодное делать, а ведал, что сие в людех не водится, также грех и стыд?»

На это царевич отвечал: «Причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не учился, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему я и от природы склонен, а потом, когда меня от мамы взяли, также с теми людьми, которые тамо при мне были, а именно — Никифор Вяземский, Алексей да Василий Нарышкины; и отец мой, имея о мне попечение, чтоб я обучался тем делам, которые пристойны к царскому сыну, также велел мне учиться немецкаго языку и другим наукам, что мне было зело противно, и чинил то с великою леностью, только чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел. А понеже отец мой часто тогда был в воинских походах, а от меня отлучался, того ради приказал мне иметь присмотр светлейшему князю Меншикову и когда я при нем бывал, тогда принужден был обучаться добру, а когда от него был отлучен, тогда вышепомянутые Вяземский и Нарышкины, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конверсацию (беседу. — Е. А.) иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и подпивать, а в том мне не токмо претили, но и сами тож со мною охотно делали. А понеже они от младенчества моего при мне были, а я обыкл их слушать и бояться, и всегда им угодное делать, а они меня больше отводили от отца моего и утешали вышеупомянутыми забавами и по-малу по-малу не токмо дела воинския и прочия от отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзла и для того всегда желал от него быть в отлучении».

Конечно, допросные признания запуганного пытками царевича — весьма ненадежный источник. Мы видим, как

Алексей спешит сказать то, что от него хотят услышать, как он стремится свалить вину на свое окружение, якобы сознательно воспитывавшее его в духе противоречия Петру, и при этом старается не бросить тень на своего формального воспитателя — всесильного тогда Меншикова. Отрицать влияние окружения, среды, в которой жил молодой человек, конечно, нельзя — оно может быть огромно. Но дело не только в различиях формальной и реальной педагогики. Будущий конфликт отца и сына, их отчужденность, переросшая затем во вражду, были предопределены изначально тем положением, в котором оказался наследник российского престола.

Алексей — сын Петра от первой, сосланной в 1698 году в монастырь, жены Евдокии Лопухиной — почти с младенчества (он родился в 1690 году) оказался на дальней периферии интересов царя. Как живое и неприятное напоминание о неудачном первом браке, да и вообще обо всей ненавистной Петру «московской жизни», он не мог стать отцу близким человеком. Тем более не возникло этой близости и позже — когда у Петра появилась новая семья. Вряд ли Екатерине, рожавшей Петру других наследников и мечтавшей, как и каждая мать, об их благополучной судьбе, нужен был пасынок. Надо полагать, что мальчик, насильно восьми лет от роду отнятый у матери (примечательно, что на допросах он называет ее «мамой»), выросший среди чужих людей, не мог забыть мать. Но Петр запрещал Алексею видаться с Евдокией — старицей Еленой суздальского Покровского монастыря — и, узнав однажды, что царевич, уже 17-летний, тайно ездил к матери на свидание, был вне себя от гнева.

По-видимому, причина длительного семейного конфликта была связана и с тем, что Петр в воспитании своего сына (впрочем, как и своих подданных) исходил из распространенной тогда педагогической концепции принуждения — он назначил Алексею содержание, определил учителей и воспитателей, утвердил программу образования и, занятый тысячами срочных дел, успокоился, полагая, что наследник на верном пути, а если что — страх наказания поправит дело. Но, как часто бывает в жизни, давление на личность ребенка порождало сопротивление, желание найти противовес диктату отца. Сильное скрытое сопротивление всему, что исходило от царя, проявляясь в чувстве «омерзения» к его особе, привело в итоге к непониманию, неприятию грандиозных дел, составлявших главный смысл и цель жизни Петра.

Известный довоенный фильм «Петр Первый», где роль царевича Алексея играет Николай Черкасов, сформировал в общественном сознании образ наследника как личности ничтожной, безвольной, неврастеничной и посредственной. В жизни, вероятно, было не так. Нельзя забывать, что Алексей был сыном Петра и, надо думать, унаследовал многие его черты, которые, однако, под влиянием неблагоприятных обстоятельств жизни царевича сильно деформировались: упорство превратилось в бессмысленное упрямство, ум ушел в злословие, энергия — в кутежи с приближенными, «организованными», подобно «Всеобщей собору» отца, в особую «компанию», в которой не оказалось ни одного человека, кто бы разглядел смысл нараставшего год от года конфликта между отцом и сыном.

Не состоялась и семейная жизнь царевича: по распоряжению Петра в 1711 году Алексей, явно против своей воли, стал мужем кронпринцессы Шарлотты-Софии брауншвейг-вольфенбюттельской, чувствами которой тоже никто не поинтересовался. Чуждые друг другу люди, Алексей и Шарлотта, подобно многим другим династическим парам, были лишь пешками в той политической игре, которую затеяли в послеполтавский период русский царь, польский король и австрийский император — родственник Шарлотты. Брак этот, как нетрудно догадаться, был несчастлив. Приближенный Алексея И. Большой-Афанасьев показал на допросе 1 мая 1718 года: «Царевич был в гостях, а где сказать — не упомяну, приехал домой хмелен, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришел, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: „Вот, де, Гаврила Иванович с детьми своими (канцлер Г. И. Головкин и его сыновья-дипломаты.— Е. А.) жену мне чертовку навязали; как-де, к ней приду, все-де, сердитует и не хочет-де, со мною говорить, разве-де, я умру, то ему не заплачу. А сыну его, Александру, голове его быть на коле и Трубецкого: они-де, к батюшке писали, чтоб на ней жениться“»³. Чужды были Алексею и появившиеся вскоре дети — Наталья, затем Петр, родив которого в 1715 году, Шарлотта умерла.

Забегая вперед, отметим, что Алексей не организовывал никакого заговора против Петра, он находился в постоянной обороне и вряд ли когда бы перешел в наступление — при жизни отца это было равносильно самоубийству. Можно лишь определенно говорить, что царевич с нетерпением ждал своего часа, который должен был на-

ступить со смертью отца,— после 1710 года здоровье Петра стало вызывать опасения у окружающих, да и у самого царя. Никакой определенной, четкой «реставрационной программы» у царевича не было, хотя какие-то наметки плана будущего царствования постепенно складывались. Его последняя спутница жизни, крепостная Ефросинья, на одном из допросов показала: «Да он же, царевич, говаривал: когда он будет государем и тогда будет жить в Москве, а Питербурх оставит простой город; также и корабли оставит и держать их не будет, а войска-де станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением и намерен был жить зиму в Москве, а лето — в Ярославле; и когда слышал о каких-то видениях или читал в курантах, что в Питербурхе тихо и спокойно, говаривал, что видение и тишина недаром: „Может быть, либо отец мой умрет, либо бунт будет“»⁴.

Если учесть, что показания дала не блещущая умом и образованием крепостная наложница царевича, которую он особенно не посвящал в свои планы, говоря ей: «...ты ничего не знаешь и сказывать, де, тебе не для чего», то можно предположить, что, по-видимому, царевич, придя к власти, намеревался свернуть активную имперскую политику отца, ставшую столь очевидной именно к концу Северной войны. Не исключено также, что устами царевича говорила политическая оппозиция, загнанная Петром в глубокое подполье, но надеявшаяся подняться с приходом к власти Алексея Петровича. Материалы следственного дела Алексея с определенностью свидетельствуют, что даже среди сподвижников преобразователя (особенно из числа родовой знати), а также в среде духовенства было немало сочувствовавших царевичу. Это позволило Алексею как-то сказать Ефросинье (в ее передаче): «Хотя-де, батюшка и делает, что хочет, только как еще Сенаты похотят, чаю-де, Сенаты и не сделают, что хочет батюшка».

Вероятно, Петр по своим каналам получал информацию о настроениях царевича, его окружения и о симпатиях к нему знати и духовенства. В письме Алексею от 19 января 1716 года он, подчеркивая, что не доверяет ни единому слову сына, отмечал: «Что же приносишь клятву, то верить невозможно для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек — ложь. Також хотя б истинно хотел хранить, то *возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ра-*

Царевич Алексей Петрович.

ди тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело».

Как бы ни были сложны отношения отца и сына, последний смело смотрел вперед, ибо за ним было будущее. То, что царевич был официальным и единственным наследником, придавало ему особую силу ожидания своего часа, позволяло, хотя и скрытно, но все же оппонировать отцу, не опасаясь последствий,— вариантов у царя не было. Но так продолжалось до 1715 года, когда в царской семье произошли весьма важные события...

Только что процитированное письмо Петра озаглавлено им самим так: «Последнее напоминание еще». Первым же «напоминанием» следует считать пространное послание царя сыну от 11 октября 1715 года, начинавшееся вполне официальными словами: «Объявление сыну моему». В нем царь обвиняет Алексея в лени, нежелании приобщаться к военным делам и завершает письмо угрозами, которых ранее в их переписке не было:

«Сие все представя, обращуся паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то *кому вышеписанное с помощью вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю?* Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что бог дал, бросил)! Еще же и сие вспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколько много за сие тебя бранивал, но не то-

чию бранивал, но и бивал, к тому ж сколько лет почитай не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может оттого следовать... не точию тебе, но и всему государству. Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить к добру, за благо изобрел сей последний testament тебе написать и еще мало подождать, аще нелicenseмерно обратишься».

И далее следует то, ради чего, собственно, и писалось это послание: *«Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный и не мни себе, что один ты у меня сын и что я сие только в устрастку пишу: воистину (богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, ниже свой непотребный. В 11 день октября 1715. При Санктпетербурхе. Петр»⁵.*

Почему это решительное письмо относится именно к октябрю 1715 года, хотя отношения отца и сына, как явствует даже из приведенного текста, были тяжелыми уже давно? И почему именно в нем впервые говорится о намерении лишить непослушного сына наследства?

Конечно, это не случайно: Петр все чаще задумывался о будущем, поведение же Алексея не внушало особых надежд. Царь понимал, что наследник не будет продолжать начатое им. К середине 10-х годов здоровье царя, подорванное войной и болезнями, стало вызывать беспокойство окружающих, да и самого Петра. Кроме того, Петр собирался надолго покинуть страну, чтобы у побережья Германии и Швеции добиться окончательного перелома в войне с Карлом XII. Поэтому вопрос о престолонаследии обострился в сознании Петра и требовал радикального разрешения в свойственном царю стиле.

29 октября того же года судьбе было угодно еще туже затянуть узел: Екатерина благополучно родила мальчика — цесаревича Петра Петровича. Отвечая 31 октября на письмо Петра, Алексей, явно спеша угадать, упредить желание царя, заявляет, что он отказывается от престола не только из-за того, что чувствует себя неспособным нести бремя власти, но и потому, что у него появился младший брат: *«...понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ниче-*

го возможно делать) и всеми умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради, *наследия* (дай боже вам многолетнее здравие!) Российскаго по вас (хотя бы и брата у меня не было, а *ныне, слава богу, брат у меня есть*, которому дай боже здравия) *не претендую и впредь претендовать не буду*, в чем бога свидетеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания»⁶.

Однако простого отказа от престолонаследия Петру мало, и через три месяца он направляет сыну упомянутое второе — «Последнее напоминание еще». (Заметим попутно, что обмен посланиями людей, живущих рядом в Петербурге, не был случаен, — по-видимому, Петр, посылавший сыну своеобразные официальные предупреждения, был заинтересован в существовании и сохранении этой переписки.) В своем «напоминании еще» царь ставит царевича перед выбором: «...так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но *или отмени свой нрав* и нелицемерно удостой себя наследником, *или будь монах*: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме или самому мне на словах резолюцию. *А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю*»⁷.

Алексей согласился и на это и на следующий день ответил отцу: «Желаю монашескаго чина и прошу о сем милостиваго позволения. Раб ваш и непотребный сын *Алексей*».

Вскоре Петр уезжает за границу и из Копенгагена пишет 26 августа 1716 года сыну письмо (так, как будто он не получал согласия Алексея на уход в монастырь), требуя немедленного решения: либо, встав на путь истинный, ехать в Копенгаген, где русской армией и флотом готовилась высадка на шведское побережье, либо немедленно постричься в монастырь. Причем Петр требует точно сообщить, «куды и в которое время и день (дабы я покой имел в моей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончанием (т. е. с окончательным решением. — Е. А.): буде по первому — то когда выедешь из Петербурга; буде же другое, то когда совершишь. О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо вижу я, что только время проводишь в обыкновенном своем неплодии».

Столь непримиримая и жесткая позиция Петра сделала положение Алексея, в сущности, безвыходным: 26-летний светский человек, конечно, не хотел идти в монастырь, хоть и вынужден был дать согласие, полагая, очевидно, что это больше педагогическая угроза, нежели неотвратимая и скорая реальность. Но ничего хорошего он не ждал и от предстоящего свидания с отцом — вероятно, оба понимали, что «отменить свой нрав», как требовал отец, Алексей уже не мог.

И тогда Алексей решается бежать, скрыться от отца и своей судьбы. Не в силах оказать сопротивления подчиняющему все и вся государственным целям деспотизму Петра, но и не желая отказываться от престола, а тем более идти в монастырь, он решается на страшное для российских подданных преступление — побег за границу, расценивавшийся однозначно как государственная измена. Добравшись осенью 1717 года до владений австрийского императора, он просит (и сразу же получает) политическое убежище. Несомненно, побег этот — акт отчаяния, протест человека, оказавшегося в безвыходном положении, попытка разорвать смыкавшееся вокруг него кольцо. Алексея гонит страх, ему не дает покоя навязчивая мысль, что его партия проиграна, и, отказавшись от монашества, он обрекает себя на тяжкие испытания и, возможно, смерть. Бежав в нейтральную Австрию, он не имел никакого определенного плана на ближайшее будущее, он жаждал отдыха, хотел снять то напряжение, которое владело им после решительных и жестких посланий отца. Ефросинья свидетельствует: «Царевич же мне сказывал, что он от отца для того ушел, что-де отец к нему был немилостив, и как мог искал, чтоб живот его прекратить и хотел лишить наследства; к тому ж, когда во время корабельного спуска всегда его поили смертно (вспомним рассказ Юста Юля о петровских застольях.— Е. А.) и заставляли стоять на морозе, и от того-де он и ушел, чтобы ему жить в покое, доколе отец жив будет и наследства он, царевич, весьма желал и постричься отнюдь не хотел».

Став изгнанником, царевич тем не менее не был окончательно убежден в правильности своего выбора, его, вероятно, мучили сомнения, чем, собственно, и воспользовался посланный Петром П. А. Толстой, сумевший убедить Алексея вернуться, пока не поздно, повиниться, исправить ошибку.

Толстой сумел за несколько бесед с царевичем подчи-

нить его своей воле, умело сочетая ласковые увещевания с грубыми угрозами. Он твердо обещал Алексею отцовское прощение и в подтверждение предъявил ему письмо царя, который, в частности, писал: «Буде же боишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет; но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься»⁸.

Одновременно Толстой грозил царевичу непрерывным преследованием, пугал его русско-австрийской войной, которую якобы хочет начать Петр, обещал, что, если Алексей попытается бежать в Италию, за ним поедет сам царь. После долгих колебаний царевич решился: «Я поеду к отцу с условием, что назначено было мне жить в деревне и чтобы Ефросиньи у меня не отнимать». Разумеется, и то и другое было тут же обещано.

Не исключено, что именно Ефросинья в которой Алексей души не чаял (она к тому же ждала от него ребенка), уговорила его «повиниться батюшке». Известно, что Ефросинья, тотчас попавшая в путы Толстого, оказалась, в сущности, единственным человеком из окружения царевича, кто не подвергся пыткам в застенках Тайной канцелярии и вышел сухим из воды, замутненной кровью десятков людей.

3 февраля 1718 года царевич был привезен в Москву, в Кремль, где и состоялась сцена отречения наследника от престола. В нашем распоряжении есть два источника, которые передают это историческое событие, но выделяют в нем разные нюансы. Первый документ — это письмо-отчет обер-фискала А. Нестерова Меншикову, остававшемуся в Петербурге, а второй — письмо Алексея Ефросинье, написанное сразу же после церемонии.

Нестеров, в частности, сообщал:

«Его высочество государь царевич вчерашняго числа по утру по полуночи в 9 часу пришел к Москве таким образом: царское величество изволил дожидаться вверху в Ответной палате, тут же были собраны духовные особы, также министры и сенаторы, и повешено, государь, было всяких чинов людям, кроме подлаго народа, чтоб были все в вышепомянутой палате и когда все собрались, и тогда его высочество изволил прибыть в ту же Ответную палату и при его высочестве Петр Андреевич Толстой; пришед прямо к своему родителю, всемилоостивейшему государю, заплакав, повалился в ноги и просил прощения в преступлении и того часу его величество повелел встать и

изволил объявлять свою родительскую милость, в каком содержании его имел и как обучал к тому, чтоб быть наследником, но его высочество то презрел и не хотел того внятно обучаться, якобы надлежало наследнику и прочия преступления противная; а изволил его величество говорить изустно и громко, что все слышали, но на то отповеди оправдательной никакой его высочество говорить не мог, только просил прощения и живот, а наследия не желает; и потом его величество *изволил еще говорить громко же*, чтоб показал самую истину, *кто его высочества были согласники, чтоб объявил*. И на те слова его высочество *поползнулся было говорить*, но, понеже его величество от того *сократил*, и тем его высочества разговор кончился и вскоре после сего повелел читать манифест... а как оный прочли громко, чтоб все слышали, тогда его величество изволил сказать, что *прощаю, а наследия лишаю* и потом тотчас его величество купно и с его высочеством и прочие как духовные особы, как и министры и всех чинов люди, пошли в соборную церковь, а пришед в церковь пред святым евангелием его высочество учинил присягу и, присягнув, подписался, что *наследия не желает, а уступил брату своему его высочеству государю царевичу Петру Петровичу*, а потом присягали же все духовные, и министры, и прочие всех чинов люди, и подписались... И по учинении вышепомянутого его величество и государь царевич изволили идти кушать в Преображенское. Також после полудня в 3 часу все министры съехались в дом царского величества в Преображенское и веселились довольно...»⁹.

Письмо царевича к находившейся еще тогда за границей Ефросинье передает как стремление Алексея убедить своего высокого цензора, к которому не могло не попасть письмо, что его намерения чисты, так и чувства облегчения и надежды, которой не было суждено сбыться:

«Друг мой сердешной Афрасинюшка! Здравствуй, матушка моя на множество лет! Я приехал сюда сегодня, а батюшка был в Верху на Москве, в Столовой полате со всеми, и тут я пришел и поклонился ему в землю, прося прощения, что от него ушел к цесарю, и подал ему повинное письмо, и он меня простил милостиво и сказал, что-де тебя наследства лишаю и надлежит-де тебе и прочим крест целовать брату, яко наследнику, и чтоб как мне, так и прочим по смерти батюшковой не промышлять о моем возведении на престол, и потом велел честь, за что он меня лишил наследства, и потом пошли в соборную церковь

и целовали я и прочие крест, а каково объявление и пред крестом присяга — то пришло к тебе впредь, а ныне за скоростью не успел, и потом батюшка взял меня к себе есть и поступает ко мне милостиво, дай боже и впредь также и чтоб мне даждаться тебя в радости. Слава богу, что нас от наследства отлучили, понеже останемся в покое с тобою. Дай боже благополучно пожить с тобою в деревне, понеже мы с тобою ничего не желаем, только чтоб жить в Рождествене; сама ты знаешь, что мне ничего не хочется, только б с тобою до смерти в покое дожить, а что немецких врак (имеется в виду немецкая пресса. — Е. А.), будет о сем — не верь, пожалуй, ей-ей больше ничего не было. Верный друг твой Алексей. Из Преображенского в 3 февраля 1718»¹⁰.

Нет, никогда не суждено было Алексею и Ефросинье уединиться в деревенской тиши, да и вообще это была пустая мечта, навеянная относительно милостивым приемом, который оказал непутевому сыну царь, весьма довольный прекращением грандиозного международного скандала с непредсказуемыми последствиями. Обрадованный хорошим приемом, Алексей не заметил явственного рока та приближающейся державной грозы. Это заметил опытный обер-фискал — вспомните то место из его письма, где речь идет о том, что Петр громким голосом потребовал, чтобы царевич назвал имена своих «согласников» — сообщников, а затем, когда Алексей начал было публичный донос, прервал его — «сократил». Думаю, что у многих присутствовавших на этом действе и общавшихся когда-то с Алексеем содрогнулись сердца и скверное предчувствие охватило их — все, кроме царевича, поняли, что эта сцена введена царем в разыгранный государственный спектакль совсем не случайно.

Державная гроза приближалась и была неизбежна — нужно знать Петра: даже если предположить, что он искренне, как отец, простил блудного сына, то, как государь, он должен был довести до конца дело об изменнике Алексее Петровиче Романове, а, как известно, в России не бывает дел об измене без сообщников.

Читая следственные материалы — а дело было начато уже на следующий день после мирного родственного обеда в Преображенском, — видишь, как идет целенаправленный поиск сообщников: слишком откровенно стремление следователей обнаружить заговор и поставить во главе него Алексея. Не знаю, верил ли сам царь в существование подобного заговора, но не приходится сомневаться, что с

помощью следствия, суда, угрозы репрессий, страшных казней Петр сознательно запугивал своих политических противников. Кровавое дело Алексея, потрясшее тогдашнее общество, как раньше кровавые стрелецкие казни, должно было парализовать способность оппозиции к сопротивлению реформам и лично царю.

Вместе с тем Петр, как трезвый политик, отчетливо понимал, что даже публичное отречение Алексея в пользу Петра Петровича ничего не решает и не гарантирует сохранение за сыном Екатерины престола. И хотя знать и другие подданные и присягнули на верность Петру Петровичу, Петр видел, что многие с этим в душе не согласны, а некоторые даже прямо отказываются признать законность такого акта.

Так, 2 марта 1718 года в Преображенской церкви к Петру протиснулся подьячий Илларион Докукин и протянул царю стандартный печатный экземпляр присяги в верности Петру Петровичу, который были обязаны подписать подданные после соответствующей церковной церемонии. На месте, оставленном для подписи, рукой Докукина было написано: «За неповинное отлучение и изгнание всероссийского престола царского богом хранимаго государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым евангелием *не клянусь* и на том животворящаго креста Христова *не целую*, и собственною своею рукою *не подписуюсь*; ...хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля господа бога моего Иисуса Христа по воле его святой за истину яз, раб христов, *Илларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь*».

Это был демонстративный дерзкий вызов воле всесильного самодержца. Тут же, в церкви, Докукин был арестован и в тюрьме дал показания о причинах своего необычайного гражданского поступка: «На присяге подписал своею рукою он, Ларион, соболезнуя об нем, царевиче, что он природной и от истинной жены, а наследника царевича Петра Петровича за истинного не признает, потому что-де, хотя нынешняя государыня царица и христианка, но, де, когда государя не будет, а царевич Петр Петрович будет царствовать и в то-де время она, царица, сообщится с иноземцами и будет от них христианам спона (вред) потому, что она нездешней природы»¹¹.

Через две недели Докукина подвергли публичной казни — колесованию, и, не выдержав нечеловеческих мук длительной казни, он раскаялся, был снят с колеса и «по-

Казнь колесованием. Гравюра начала XVIII в.

милован» — обезглавлен. Были начаты и другие подобные этому дела. Маховик репрессивной машины (для расследования дела Алексея была создана специальная Тайная канцелярия во главе с П. А. Толстым) стал стремительно раскручиваться, захватывая своими зубцами все новые и новые жертвы.

Розыск по делу государственного преступника царевича Алексея отличался особой суровостью, и пытки подследственных в первой половине 1718 года шли непрерывно. В застенки была привезена и старица Елена (Евдокия Лопухина), признавшаяся в том, что поддерживала преступную переписку с сыном. Пыточного станка не миновал и сам царевич, причем не исключено, что допросами под пыткой занимался сам царь.

Летом 1718 года началось дело по доносу на нескольких слуг, которые рассказывали, что им известно, как Петр в мызе неподалеку от Петергофа пытал царевича. Андрей Рубцов — слуга графа П. Мусина-Пушкина — показал, что однажды, «когда он был с помещиком своим, Платоном, в мызе, где был государь-царевич, в одно время помещик его приказал ему, когда придет в мызу царское величество, чтоб он в то время не мотался: станут-де государя-царевича пытать». Затем, показал Рубцов, «как приехал в ту мызу царское величество, из избы его, Андрея, выслали вон и он, Андрей, стоял

в лесу от той мызы далече, и в то время в той мызе в сарае кричал и охал, а кто — не знает, и после того спустя дня с три, видел он, что государь-царевич говорил, что у него болит рука и велел ту руку подле кисти завязать платком, и завязали».

Сообщения о том, что царевича пытается сам отец, по-видимому, производили гнетущее впечатление на людей, прикоснувшихся к этой тайне. Одна из свидетельниц — жена владельца кабака Андрея Порошилова (который узнал о пытках от упомянутого Андрея Рубцова) — рассказала: «Когда Андрей Порошилов приехал из мызы государя-царевича домой, ввечеру, в комнате сидя, плакал, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего он плакал, он ответил: „Государь в мызе сына своего царевича пытал“»¹².

Летом 1718 года следствие по делу Алексея в основном закончилось, и 24 июня Верховный суд, состоявший из высших военных и гражданских чинов, единогласно приговорил сына царя к смертной казни по обвинению в заговоре и попытке захвата престола: «...утаил бунтовный, с давних лет задуманный, против отца и государя подыск и про изыскивание к престолу, даже при жизни родителя имел надежду на чернь и желал отцу и государю своему скорой кончины... намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземныя войска с разорением всего государства при животе государя-отца своего»¹³.

Через день после вынесения приговора, 26 июня, царевич, содержащийся в Трубецком раскате Петропавловской крепости, неожиданно умер. Впрочем, в этой смерти было столько же неожиданности, сколько в смерти Петра III, Ивана Антоновича и Павла I.

Как умер царевич Алексей, мы, вероятно, не узнаем никогда. В «Записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии» есть запись за 26 июня: «Того ж числа по-полудни в 6 часу, будучи под караулом в трубецком раскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился». Ганноверский резидент Вебер сообщал, что с царевичем, узнавшим о приговоре, случился апоплексический удар. Австрийский резидент Плейер в одном донесении повторяет эту точку зрения, но в другом сообщает, что ходят упорные слухи о смерти царевича от меча или топора. Голландский резидент де Би писал своему правительству, что Алексей умер «от растворения жил». Это донесение было вскрыто, канцлер Головкин и вице-кан-

цлер Шафиров устроили форменный допрос де Би, и резидент выдал своего осведомителя — повивальную бабу М. фон Гуссе, которую вместе с дочерью и зятем допросили в крепости. Н. Устрялов, собравший все эти сведения, считает, что царевич умер, не выдержав пыток, которым его подвергали даже в день объявления приговора¹⁴.

Нельзя не сказать и еще об одном очень интересном документе — письме гвардии капитана А. И. Румянцева некоему Д. И. Титову о казни царевича. Письмо дошло до нас в копиях. Историки, как всегда в таких случаях, разделились: одни полагали, что письмо — позднейшая подделка, другие же считали его подлинным. Я, не располагая на этот счет какими-либо новыми (подтверждающими или опровергающими подлинность) сведениями, считаю, что принятая в нашем обществе манера критики публикаций, которых и в глаза не видел читатель, в высшей степени некорректна, и поэтому лучше привести если не все опубликованное последний раз в 1859 году письмо, то, по крайней мере, соответствующие сюжету пространные отрывки.

Румянцев сообщал своему адресату, что после оглашения приговора «как царевич в те поры не домогал, то его к суду, для объявки приговора, не высылали, а поехали к нему в крепость: светлейший князь Александр Данилович, да канцлер граф Гаврило Головкин, да тайный советник Петр Андреевич Толстой, да я и ему то осуждение прочитали. Едва же царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели его под руки схватить и тем от падения долу избавить. Уложив царевича на кровать и наказав о хранении его слугам да лекарю, мы поехали к его царскому величеству с рапортом, что царевич приговор свой выслушал; и тут же Толстой, я, генерал-поручик Бутурлин и лейб-гвардии майор Ушаков тайное приказание получили, дабы съехаться к его величеству во дворец в первом часу пополудни.

Недоумевая, ради коея вины сие секретное собрание будет, я прибыл к назначенному времени во дворец и был введен от дворцового камергера во внутренние упокои, где же увидел царя, сидяща и весьма горяюща, а вокруг его стояли: царица Екатерина Алексеевна, троцкий архимандрит Феодосий от Александроневского монастыря (его же царь, зело уважая, за духовника и доброго советывателя имел), да Толстой, да Ушаков; а не было только Бутурлина, но и тот приездом не замедлил.

А как о нашем прибытии царю оповестили, ибо ему за многими слезами то едва ли видно самому было, то его величество встал и, подойдя к блаженному Феодосию, просил у него благословения, на что сей рек: «Царю благий, помысли мало, да не каяться будешь?» А царь сказал: «Злу, отче святой, мера грехов его преисполнилась и всякое милосердие от сего часа в тяжкий грех нам будет и пред богом и пред славным царством нашим. Благослови мя, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагаго бога, да простит мое окаянство». Тогда Феодосий, воздев руки, помолился и, благословивши царя, глагола: «Да будет воля твоя, пресветлый государь, твори, яко же пошлет ти разум сердцеведец бог».

Тогда царь приблизился к нам, в недоумении о воле его стоящим, и сказал: «Слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные! Се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделаете. Оный зловерный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюся нарицати, презрев клятву пред богом данную, скрыл от нас большую часть преступлений и общенников, имея в уме, да сие последнее о другом разе ему в скверном умысле на престол наш пригодятся; мы, праведно негодуя за такое нарушение клятвы, над ним суд нарядили и тамо открыли многия и премногия злодеяния, о коих нам и в помышлении придти не могло. Суд тот, яко же и вы все ведаете, праведно творя и на многие законы гражданские и от св. писания указуя, его, царевича, достойно к понесению смертных казни осудил. Вам ведомо терпение наше о нем и послабление до нынешняго часа, ибо давно уже за свои измены казни учинился достоин. Яко человек и отец, и днесь я болезную о нем сердцем, но, яко справедливый государь, на преступления клятвы, на новыя измены уже нетерпимо и нам бо за всякое несчастье от моего сердоблюбия ответ строгий дати богу, на царство мя помазавшему и на престол Российской державы всадившему. Того ради, слуги мои верные, спешно грядите, убо к одру преступнаго Алексея и казните его смертию, яко же подобает казнити изменников государю и отечеству. Не хошу поругать царскую кровь всенародною казнию, но да совершится ей предел тихо и неслышно, яко бы ему умерша от естества, предназначеннаго смертию. Идите и исполните, тако бо хочет законный ваш государь и изволит бог, в его же державе мы все есмы!» Сие глаголиша, царь новыя тучи исполнися, и аще бы не утешение от царицы, да не

словом в иноцах блаженного Феодосия, толико яко презельная горесть велий ущерб его царскому здоровью приключилась бы.

Не ведаю, в кое время и коим способом мы из царского упокою к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковенного казуса весь ум мой обуяла, долго бы я от того в память не пришел, когда бы Толстой напamятованием об исполнении царского указа меня не возбудил. А как пришли мы в великия сени, то стоящаго тут часового опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовыя стражи, отойти к наружным дзержам приказал, яко бы стук оружия недужному царевичу, беспокойство творя, вредоносен быть может. Затем Толстой пошел в упокой, где спали его, царевича, постельничий да гардеробный, да куханный мастер, и тех, от сна возбудив, велел немешкатно от крепостного караула трех солдат во двор послать и всех челядинцев с теми солдатами, яко бы к допросу, в коллегию отправить, где тайно повелел под стражею задержать. И тако во всем доме осталось нас четверо, да единый царевич, и той спящий, ибо все сие сделалось с великим опасательством да его безвременно не разбудят.

Тогда мы, елико возможно, тихо перешли темные упокои и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампы, пред образами горящей. И нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, яко бы от некоего соннаго страшнаго видения, да еще по времени стонуща, бе бо, и в правду, недужен вельми, так что и св. причастия того дня вечером, по выслушании приговора, сподобился, из страха, да не умрет, не покаявшись во гресех, с той поры его здравие далеко лучше стало и по словам лекарей к совершенному оздоровлению надежду крепкую подавал. И, не хотяще никто из нас его мирного покоя нарушати, промеж собою сидяще, говорили: «Не лучше ли-де его во сне смерти предати, и тем от лютого мучения избавити?» Обаче совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы.

Сие помыслив и укрепясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав: «Ваше царское высочество! возстаните!» Он же, открыв очеса и недоумевая, что сие есть, седе на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства [не] вопрошая.

Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: «Государь-царевич! по суду знатнейших людей земли Русской, ты приговорен к смертной казни за многия из-

мены государю, родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царского величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаянием приготовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близ есть к концу своему».

Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из этого успеха не возымев, нача горько плакаться и глаголя: «Горе мне бедному, горе мне, от царской крови рожденному! Не лучше ли мне родиться от последнего подданного!» Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: «Государь, яко отец, простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но яко государь-монарх, он измен твоих и клятвы нарушения простить не мог, боясь, да в некое злоключение отечество свое повергнет чрез то, того для, отвергну вопли и слезы, единых баб свойство, прими удел твой, яко же подобает мужу царския крови и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих!» Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекая детоубийцею.

А как увидали, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени, и один из нас, кто же именно (от страха не упомяну) говорить за ним зачал: «Господи! в руци твои предаю дух мой!». Он же, не говоря того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Той же, мню, яко Бутурлин, рек: «Господи! упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец!» И с сим словом царевича на ложницу спиною повалили и, взяв от возглавья два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движение рук и ног утихли и сердце биться перестало, что сделалось скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разобрать не мог, ибо от страха близкия смерти, ему разума помрачение сталося. А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича, яко бы спящего, и, помолився богу о душе, тихо вышли. Я с Ушаковым близ дома остались, — да кто-либо из сторонних туда не войдет, Бутурлин же да Толстой к царю с донесением о кончине царевичевой поехали. Скоро приехала от двора госпожа Краммер и, показав нам Толстаго записку, в крепость вошла и мы с нею тело царевичево опрятали и к погребению изготовили: облекли его в светлыя царския одежды. А стала смерть царевичева гласна около полудня того дня, сие есть 26 июня, яко бы от кровенаго пострела умер...»¹⁵

Историки, сомневающиеся в подлинности этого документа, находят немало противоречий, которых не могло быть в письме столь близко знакомого с делом Алексея А. Румянцева, сомнителен также адресат, неясна цель такого опасного по тем временам послания. Когда читаешь письмо целиком, то нельзя не обратить внимание на обороты и слова, близкие к письменной речи человека из среды духовенства, — Румянцев же был подлинный солдат, не особенно образованный и умный.

Но вместе с тем нельзя отбрасывать и ту мысль, что письмо стало известно из копий, и вполне возможно, что при копировании его, затертое до дыр, редактировали, дополняли. Такое не раз бывало с письменными памятниками. Однако, даже ставя под сомнение подлинность письма, нельзя не удивляться его драматичности, живости, детальности передачи всех моментов этой зримо встающей перед нашими глазами подлинно шекспировской сцены казни-убийства неугодного наследника. Для того чтобы сочинить эту потрясающую сцену, не имея в руках спрятанного полтора века за семью печатями дела Алексея и не зная всех обстоятельств, ему сопутствовавших, нужен, несомненно, великий талант мистификатора и драматурга. Но при этом нельзя никогда забывать, что талантливейшим драматургом бывает сама жизнь, за которой только успевай записывать.

Смерть царевича породила волну слухов и пересудов. Один из несчастных «клиентов» Тайной канцелярии под пыткой сказал: «А что и государя весь народ бранит, и то он говорил, а слышал на Обжорном (ныне Сытном. — Е. А.) рынке, стояли в куче неведомо кто, всякие люди, и меж собой переговаривали про кончину царевича, и в том разговоре его, государя, бранили и говорили, и весь народ его, государя, за царевича бранит». Другой подследственный показал на своего товарища, будто тот говорил, «что когда государя-царевича не стало и в то время государь на радости вырядил в флаги фрегат и вышел перед Летний дворец»¹⁶.

И это была правда: 27 июня 1718 года — на следующий день после смерти царевича — Петр торжественно отпраздновал очередную годовщину Полтавской победы. Мы никогда не узнаем, что было у него на душе, но этим символическим поступком на глазах потрясенной столицы Петр стремился показать, что для него нет ничего превыше ценностей государства, во имя которого он жертвует всем, что у него есть, в том числе памятью сына.

Царевич Петр Петрович

После смерти царевича во всех особо важных официальных документах имя нового наследника престола, Петра Петровича, упоминается все чаще. Казалось, что острый династический кризис уже миновал, жизнь вошла в привычную колею и никто не оглядывался, меж тем как судьба уже шла по следу, «как сумасшедший с бритвою в руке». Не прошло и года после смерти царевича Алексея, как Петербург уже хоронил его официального преемника — 25 апреля 1719 года, проболев совсем недолго, умер малолетний наследник Петр Петрович.

Этот страшный удар, означавший крушение всех планов Петра, был для него абсолютно неожиданным, — мальчик рос здоровым и веселым. «Шिशечка» — таково было его семейное прозвище, и Петр с нежностью относился к сыну, что хорошо видно из переписки с Екатериной. 24 июля 1718 года — месяц спустя после приговора Алексею — Екатерина писала Петру, находившемуся в Ревеле: «О себе доношу, что я за детками, слава богу, в добром здоровье. И хотя, пред возвращением моим в Питербурх, Пиотрушка был в здоровье своем к последним зубкам слабенец, однако ныне, при помощи божии, в добром здоровье и гри зубка глазовых вырезались. И прошу, батюшка мой, обороны: понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а имянно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа»¹⁷.

26 апреля 1719 года на траурной службе в Троицком

соборе при выносе тела Петра Петровича произошла в высшей степени выразительная и зловещая сцена, которую затем тщательно уточняли следователи Тайной канцелярии. Псковский ландрат Степан Лопухин, дальний родственник Евдокии Лопухиной, что-то сказал своим знакомым, а потом рассмеялся. Стоявший рядом с ним подьячий Кудряшов объяснил присутствующим на панихиде причину кощунственного в этот момент смеха: «Еще его, Степана, свеча не угасла, будет ему, Лопухину, и впредь время». Схваченный по доносу Кудряшов с дыбы признался, что «говорил он, что свеча его, Лопухина, не угасла потому, что остался великий князь (сын царевича Алексея Петр — ровесник умершего наследника. — Е.А.), чая, что Степану Лопухину вперед будет добро».

Да, действительно, свеча Петра угасла, а свеча ненавистных ему Лопухиных разгоралась — сирота, великий князь Петр Алексеевич, в сущности брошенный на произвол судьбы своим дедом, подрастал, внушая надежды всем врагам великого реформатора.

Это не могло не беспокоить царя. И вот 5 февраля 1722 года он и принял упомянутый выше уникальный в российской истории «Устав о наследии престола», узаконивший право самодержца назначить наследником престола того, кого ему заблагорассудится. Не случайно в преамбуле закона упоминается прецедент с Иваном III, вначале назначившим наследником внука Дмитрия, а затем переменившим свое намерение и передавшим престол сыну Василию. Имя великого князя Петра Алексеевича не упоминается в «Уставе», но явно читается между строк. Там же проглядывает и истинный смысл акции Петра, как бы говорящего: «Престол отдам кому угодно, только не корню Лопухиных — погубителей дела жизни моей!»

Однако даже в той сложной ситуации, которая возникла после смерти наследника престола, Петр, как всегда, не терял головы. Вслед за публикацией «Устава» 1722 года он предпринял очередной и очень важный шаг: 15 ноября 1723 года был обнародован манифест о предстоящем короновании Екатерины Алексеевны. Основанием этого решения служила историческая традиция христианских государств, и в особенности Византийской империи, наследниками которой, как известно, считали себя русские великие князья и цари: «Понеже всем ведомо есть, что во всех христианских государствах непременно обычай есть potentатам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле у православных императоров греческих

сие многократно бывало...». Кроме того, особо подчеркивались исключительные личные качества Екатерины «как великой помощницы» в тяжких государственных делах, и в особенности ее мужественное поведение на Пруте, о чем уже было рассказано выше. Все это, по мысли Петра, позволяло «данною нам от бога самовластиею за такие супруги наша труды коронациею короны почитать...»¹⁸.

В мае 1724 года в главном храме России — Успенском соборе Московского кремля — состоялась церемония коронования супруги первого российского императора, о чем также торжественно было оглашено на всю страну. В описании торжества подчеркивалось, что корону на голову Екатерины возложил сам Петр: «...архиереи поднесли е. и. в. корону, которую изволил сам е. в. также держа скипетр, возложить на главу венчаемой государыни»¹⁹. И хотя во время коронационных торжеств не шла речь о наследовании престола, все наблюдатели именно так и поняли смысл происшедшего в Успенском соборе. Французский посол Ж.-Ж. Кампредон сообщал в Париж: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга»²⁰.

Возникает естественный вопрос: почему же восемь месяцев спустя после коронования императрицы Петр, умирая, официально не объявил о своем намерении передать ей всю полноту власти? Думаю, дело не только в том, что царь, как уже говорилось, не ожидал столь скорой смерти, — сильные приступы болезни стали для него обычными в последние годы. Главной причиной колебаний царя стал глубокий конфликт в его семье осенью 1724 года, вызванный делом Виллима Монса, потрясшим петербургское общество.

Но прежде чем коснуться этой темы, следует немного рассказать о Екатерине, не отходившей в тревожные дни января 1725 года от постели умирающего царя.

В русской истории Екатерина появилась в 1702 году, когда среди пленных жителей шведской крепости Мариенбург фельдмаршалу Шереметеву приглянулась 17-летняя девушка Марта, жившая в семье пастора Глюка. В литературе нет единого мнения о ее происхождении: по одним сведениям, Екатерина происходила из семьи лифляндских крестьян Скавронских, по другим — она родилась в Швеции и лишь затем переехала в Лифляндию. Впоследствии Петр несколько раз в своих письмах к же-

не обыгрывал то обстоятельство, что она была некогда подданной враждебного России государства. Отмечая столь памятную для него дату взятия Нотебурга в 1702 году, знаменовавшего собой первые успехи России в отвоевании Ингрии, царь писал: «Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй! Поздравляем вас сим счастливым днем, в котором русская нога *в ваших землях* фут взяла, и сим ключем (имеется в виду новое название Нотебурга — Шлиссельбург, Ключ-город.—Е. А.) много замков отперто». В 1719 году, празднуя юбилей Полтавы и мечтая закончить войну в том же году, он шутит: «Дай боже, что в девятом началось, в девятый бы на десять благой конец восприяло! Чаю, я вам воспоминанием сего дня *опечалил*, однакож разсуждай»²¹.

Молва связывает появление Екатерины возле Петра с именем Меншикова, который отобрал юную наложницу у Шереметева, а затем передал ее царю. «Катерина не природная и не русская,— показал в Тайной канцелярии один солдат,— и ведаем мы, как она в полон взята и приведена под знамя в одной рубаше и отдана под караул и караульный наш офицер надел на нее кафтан. Она с князем Меншиковым его величество кореньем обвели».

По поводу «коренья» сказать ничего определенного не могу, но что на протяжении многих лет Екатерина и Меншиков были союзниками — это очевидно. И причина этого была проста: оба они, выходцы из низов, тайно презираемые многими из правящей родовой верхушки, нуждались в помощи друг друга, чтобы противостоять своим врагам. Впечатление о «коренье», как некоем волшебном способе приворожить к себе царя, находит подтверждение в том колоссальном влиянии, которое имела Екатерина на Петра. Став фавориткой царя примерно в 1703 году, марииенбургская полонянка постепенно приобретала все большее влияние. В своей жизни она совершила путь Золушки, поднявшись от «портомой» (так называли в XVIII веке прачку) и наложницы до «всемиловитейшей государыни императрицы».

Суровый деспот, человек с железным характером и волей, Петр с необычайной нежностью и заботой относился к Екатерине. Их, дошедшая до нас, переписка отражает этот чрезвычайно высокий тонус личных отношений. «...Гораздо без вас скучаю», «...для бога, приезжайте скоряя, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу... Дай боже, чтоб вас видеть в радости

скорый»; «Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безкушно-ж» — подобными признаниями пересыпаны письма крайне скупого на ласковое слово царя, получавшего взаимные признания и трогательные подарки. Эти отношения сохранялись не год и не два, а больше двадцати лет. 25 июня 1724 года, то есть незадолго до конца жизни, приехав в Петербург, царь пишет Екатерине в Москву: «Большую хозяйку и внучат (вероятно, Анну, а также Наталью и Петра — детей Алексея. — Е. А.) нашел в добром здоровье, также и все — как дитя в красоте раз-тушее, и в огороде (т. е. в Летнем саду. — Е. А.) повеселились, только в полаты как войдешь, так бежать хочет-ца — все пусто без тебя: адна медведица ходит, да Филипповна, и ежели б не праздники зашли, уехал бы в Кронштат или Питергоф».

Не приходится сомневаться, что огромное влияние на Петра Екатерины, на которое обращали внимание современники, было следствием того, что во все времена называется одинаково: любовь, сердечная привязанность, доверие. Несомненно, это был редкостный для коронованного властителя брак, построенный на иных, чем династические и политические, основах. Впрочем, политика здесь все же была: браком с «портомоей» царь-реформатор как бы бросал вызов старому обществу, считая знатность по «годности». Превращением наложницы — «метрессы» (которых всегда было много у царя) в жену и императрицу она была обязана исключительно своему тонкому пониманию Петра, приспособлению к его привычкам и нраву. Женщина не только не образованная, но, вероятно, неграмотная, она была по-житейски умна, проявляя глубокий, искренний интерес к его жизни и заботам, что вызывало ответную реакцию, — ведь мы знаем, как много может сделать искреннее чувство. В письмах Петра к Екатерине мы видим, как раскрывается этот железный, не знающий слабости человек, он ищет у Екатерины не какой-то конкретной помощи, а сердечного сочувствия, участия, ибо, известно, судьба высоко стоящего над всеми — это почти всегда душевное одиночество.

Приведу примечательное свидетельство современника, графа Бассевича: «Впрочем, она имела также и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда его гнева. Припадки эти были не-

Свадьба Петра I и Екатерины, Гравюра 1712 г.

Екатерина I. Портрет работы А. Ф. Зубова и И. Адольского.

счастливым следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая его сестра София. Появление их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжении двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, нескольких несчастий и всегда сопровождалась страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении»²².

И вот вся эта идиллия рухнула в одночасье поздней осенью 1724 года. Вечером 8 ноября неожиданно для всего двора был арестован Виллим Монс (брат Анны Монс) — камергер Екатерины Алексеевны, а также несколько близких к нему людей. Бумаги Монса были опечатаны, доставлены Петру, и началось следствие, которое осуществлял лично сам император.

Формально дело Монса, начатое с расследования доноса на него, касалось многочисленных взяток, которые он получал от разных людей, в том числе первейших в государстве. Стало известно, что Меншиков подарил камергеру лошадь «с убором», князь В. Долгорукий — «парчу на верхний кафтан», царица Прасковья Федоровна, вдова старшего брата Петра, Ивана Алексеевича, — доходы со своих псковских деревень. Когда же мать будущей императрицы Анны Ивановны вызвали на допрос к царю, она подписала объяснение: «...дала я Монцу деревню для того, што все в нем искали, штобы добр...»²³ На этом признания Прасковьи были прерваны.

Весьма примечательно, что следствие по делу о взятках Монса — а такие дела обычно тянулись годами — было проведено с необыкновенной быстротой: многие арестованные и причастные к делу даже не были допрошены. 14 ноября Вышний суд приговорил Монса, как

взяточника, к смертной казни, Петр тут же конформировал решение суда: «Учинить по приговору», а уже 16 ноября на Троицкой площади Монсу отрубили голову.

Надо полагать, что расследование взяточничества почти сразу же отошло на задний план, если, конечно, с самого начала оно было причиной, а не поводом для ареста и казни. Не нужно было обладать особым чутьем, чтобы понять, что царица Прасковья Федоровна дарит Монсу деревни, а Меншиков — коня не за красоту и обходительность изящного молодого камергера императрицы, а за то влияние, которое имел Монс. Ну а это влияние, как нетрудно догадаться, основывалось на том особом внимании, которое 28-летнему камергеру стала оказывать 40-летняя Екатерина.

Иностранные наблюдатели сообщают, что следствием дела Монса стал серьезный разлад в семье Петра, тяжелые сцены между супругами.

Известны весьма своеобразные взгляды Петра на проблемы супружеских отношений. Сам Петр ничем себя не ограничивал, и без преувеличения можно сказать, что возле него всегда находились те, кого деликатно называли «метрессы», — нельзя забывать, что из их числа вышла и Екатерина. 18 июня 1717 года Петр писал жене из Спа, где он принимал воды: «Инаго объявить отсель нечего, только что мы сюда приехали вчерась благополучно, а понеже во время питья вод домашней забавы дохторы употреблять запрещают, того ради я матрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержатца, ежели б при мне была»²⁴.

3 июля, отвечая царю из Амстердама, Екатерина писала: «Что же изволите писать, что вы матрессишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах невозможно с нею веселитца, и тому я верю, однакож болше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнь, в которой она и ныне пребывает и для леченья изволила поехать в Гагу, и не желала б я (от чего боже сохрани!), чтоб и галан (любовник. — Е. А.) той матрессишки таков здоров приехал, какова она приехала. А что изволите в другом своем писании поздравлять именинами старика и шишечкиными (т. е. именинами самого Петра и его сына-тезки. — Е. А.), и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая шишечка на будущий год поспела. Однако дай, боже, мне вскоре вашу милость видеть, чего я в сердечным желанием ожидаю»²⁵.

То, что в отношениях Петра и Екатерины существова-

ла и такая грань, кажется весьма примечательным для понимания прежде всего Екатерины. Признанием и даже некоторым поощрением супружеской свободы Петр Екатерина как бы срывает тот полог тайны, за которым могло возникнуть и усиливаться влияние какой-либо дружки «метресышки», о которой было бы неизвестно императрице. Однако то, что было позволено императору, было невозможно для его жены. Следствием этого и стало кровавое дело Монса.

Думается, что суть конфликта состояла не столько в ревности, как можно подумать поначалу, сколько в том серьезном опасении, которое у царя вызвала эта история с политической точки зрения. Намереваясь передать престол жене, царь, неожиданно столкнувшись с делом Монса, может быть, впервые подумал о том, не окажется ли в конечном счете судьба великого наследия в руках какого-нибудь ловкого прощелыги вроде Виллима Монса. Не думаю, что у Петра были иллюзии относительно деловых качеств своей жены, никогда не занимавшейся государственной деятельностью.

Знал бы великий реформатор, что та система наследования, основы которой он заложил, станет одной из причин хронической политической нестабильности российского XVIII века, что, отрубив голову Монсу, он этим не устранил угрозу фаворитизма — этого неперемennого развратного спутника сурового деспотизма, в какие бы политические одежды он ни рядился...

Все сказанное выше — предположения, но нельзя отрицать, что и ими можно объяснить такую скорую и решительную расправу Петра с Монсом и такую явную и опасную для судьбы страны нерешительность и медлительность Петра в определении имени своего наследника.

Петр затягивал с решением, сначала рассчитывая на выздоровление, но, когда «от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу.. он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина». Вместе с тем, как писал другой наблюдатель — голландский резидент де Вильде, «он слишком был слаб, слишком страдал, чтобы царица осмелилась заговорить с ним об этом...»²⁶.

Таким образом, оказалось, что в ночь с 28 на 29 января 1725 года судьба трона решалась не в той комнате, где умирал император, а в соседней, где собрались и напряженно ждали сообщений о состоянии Петра его спод

А. Д. Меншиков. Гравюра
Ж. Симона. 1717 г.

вижники, «принципалы», «птенцы». И надо сказать, что они не сидели сложа руки.

Самым крупным из «птенцов» был светлейший князь Александр Данилович Меншиков — личность яркая, незаурядная, самый талантливый из сподвижников Петра, отличавшийся умом, инициативностью, организаторскими и полководческими талантами. За три десятилетия Меншиков совершил умопомрачительное восхождение по служебной лестнице, начав с денщика Петра и закончив карьеру генералиссимусом. Один лишь его официальный титул 1726 года выразительнее, чем подробные рассказы, говорит о его честолюбии: «Светлейший Римского и Российского государства князь и герцох Ижорский, ее императорского величества всероссийский рейхс-маршал и над войсками командующий генерал-фельт-маршал, тайный действительный советник, Государственной военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской, от флота всероссийского вице-адмирал белого флага, кавалер орденов св. Андрея, Слона, Белого и Черного орлов и св. Александра Невского, и подполковник Преображенский лейб-гвардии, и полковник над тремя полками, капитан-компаний бомбардир»²⁷.

Обладатель огромных богатств, имений, превосходящих по размерам иные иностранные государства, увитый лаврами боевой и трудовой славы на полях сражений и стройках Петербурга, он, как и в те времена, когда был простым денщиком юного царя, оставался ненасытен к деньгам, почету, власти. Палимый этой жаждой, в день смерти Петра он желал только одного — сохранения и дальнейшего усиления своего влияния и своей власти. В этом была логика политической борьбы, логика всей жизни Меншикова.

Следует отметить, что в последние годы царствования Петра Александр Данилович жил в постоянной тревоге: отношения с царем (нюансы которых в судьбе царедворца решали гораздо больше, чем гора наград и богатств) не были так хороши, как прежде. Петр фактически отстранился от Меншикова и в 20-е годы уже никогда не писал Алексашке таких вот нежных записок, как в 1709 году: «Объявляю вам, что я сего маменту приехал сюды, а начевать буду за две мили от Харкова или в Харкове (только не ревнуй, где буду начевать)»²⁸.

Поэтому смерть Петра, с одной стороны, естественно, вселяла в Меншикова тревогу за будущее, но, с другой стороны, давала надежду на упрочение его заметно пошатнувшегося положения: желаннейшим для Меншикова решением стал бы приход к власти Екатерины, ибо ни для кого не было секретом, что на протяжении двух десятилетий Екатерина неизменно поддерживала его, не раз ходатайствовала перед царем за проворовавшегося светлейшего в те моменты, когда топор почти зависал над его шеей. Как уже отмечалось выше, Екатерина проявляла к Меншикову не какие-то особые личные симпатии, а, если так можно сказать, чувство социальной солидарности, основанной на общности интересов выходцев из низов, пробившихся в высшие эшелоны власти благодаря милости царя и своим способностям.

В предстоящей борьбе у Меншикова были все шансы победить, то есть сделать Екатерину императрицей — возможно, даже и вопреки воле умирающего Петра, если эта воля разошлась бы с желаниями князя. И здесь нет преувеличения: за ним стояла армия, гвардия, в его руках были рычаги государственного управления. Кроме того, у него были могущественные союзники, желавшие того же, что и он, — воцарения Екатерины для того, чтобы сохранить власть и привилегии. В некоторых документах их называли на древнеримский манер «принципа-

лами», подчеркивая тем самым особое положение при дворе и в государстве. «Принципалов» было немного — пересчитать их нетрудно по пальцам одной руки: канцлер империи граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, тайный советник граф Петр Андреевич Толстой, генерал-прокурор граф Павел Иванович Ягужинский, генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Виллимович Брюс.

Пожалуй, наиболее бесцветным среди них был президент Коллегии иностранных дел канцлер Головкин. Он явно уступал по природным данным своему умершему в 1706 году предшественнику — Ф. М. Головину, хотя, как и другие сподвижники Петра, работал не покладая рук. Будучи руководителем внешнеполитического ведомства, он не совершал грубых ошибок, был точным исполнителем воли царя. Возможно, что именно такой человек и был нужен Петру в той сфере государственного управления, которой на протяжении десятилетий непосредственно и постоянно ведал сам царь — истинный дипломат и тонкий политик. Во многих острых политических ситуациях канцлер вел себя крайне осторожно, не поддаваясь эмоциям, точно рассчитывая свои действия и сохраняя ту величественную молчаливость, которая, как говорят корифеи афоризма, если и не свидетельствует об уме, то, несомненно, об отсутствии глупости.

Ф. М. Апраксин — президент Адмиралтейской коллегии — никогда не слыл за опытного флотоводца и организатора военно-морского дела. В этом смысле его положение при Петре, буквально жившем морем и флотом, было примерно таким же, как и положение Головкина. Но, в отличие от последнего, Апраксин пользовался особым доверием Петра и даже, по-видимому, был вхож в его дом. Сохранилось несколько писем Петра, свидетельствующих об известной теплоте отношения царя к своему генерал-адмиралу. На них следует обратить внимание, потому что список адресатов подобных посланий сурового царя весьма короток. Так, узнав в 1702 году о смерти жены Апраксина, Петр писал: «Пожалуй, государь Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой своей печали; уповай на бога. Что же делать? И здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутцы. *Piter*. На подписях, пожалуй, пишите просто, также и в письмах без великого»²⁹.

Это был не первый случай, когда Петр требовал от Апраксина неофициального обращения. Еще в 1696 году

царь увещевал приятеля: «Федор Матвеевич. За письмо твое благодарствую, однакож зело сумнимся ради двух вещей: 1) что не ко мне писал, 2) с земными чинами, а тебе можно знать, чего не люблю (для того, что ты нашей компании) как писать»³⁰.

Действительно, то ли дело Меншиков, бойко обращавшийся в своих письмах к самодержцу на иностранный манер: «Мейн зельд, мейн герц каптейн!» и т. д. Но как ни был близок Апраксин к царю, он, по-видимому, не мог преодолеть внутренний барьер и по-прежнему подписывался: «Раб твой государской Федор Апраксин, пад на землю, челом бьет».

Секрет прост: добрый Апраксин был человеком XVII века, чтившим его традиции и принципы, которые он не желал нарушать. Как пишет А. И. Заозерский, «Ф. М. Апраксин, генерал-адмирал и граф, был одним из преданнейших Петру людей, очень близких к нему. Человек несильного ума, но широкого добродушия, не блестящий, но полезный, всегда готовый компаньон по части служения Бахусу и на редкость радушный хозяин, он счастливо и без труда избегал в своих отношениях с Петром тех острых моментов, на которые, как на подводные камни, натыкались люди с большей инициативой и притязательностью. Сам Петр не считал его энтузиастом нового порядка, но знал, что из преданности к нему Апраксин всегда будет «верным слугой». В одном только пункте он проявлял неустойчивость: генерал-адмирал крепко хранил дворянские традиции и во имя их иногда протестовал против отдельных нивелирующих распоряжений царя»³¹.

Исследователь имел в виду тот эпизод, когда Апраксин в знак протеста, сняв адмиральский мундир, начал бить сваи вместе со своим племянником, сосланным на стройку за уклонение от службы. Вообще же Апраксин не был борцом и в опасный момент, 28 января 1725 года, готов был повернуть туда, куда двинулось бы большинство.

Самому пожилому в компании «птенцов» царя Петру Андреевичу Толстому в 1725 году было около 80 лет. Его жизнь была сложна и извилиста: начав политическую карьеру в стане противников Петра и Нарышкиных, активно выступая за Софью и Милославских, он довольно быстро переориентировался и сумел выслужиться перед новым повелителем. В 1697 году он, 52-летний семейный человек, отправился вместе с дворянскими недорослями учиться военно-морскому делу в Италию, что не могло

не понравиться царю. Вчерашний стольник очень быстро сумел воспринять тот стиль жизни и образ мышления, который был характерен для петровского круга, и вскоре стал одним из ближайших сподвижников Петра.

По своему характеру он был, несомненно, прирожденный дипломат, умный тактик. Тонкий психолог, он умел находить общий язык с самыми разными людьми и добиваться целей, которые ставил перед ним Петр. А нужно отметить, что цели эти были на редкость сложны: будучи посланником в Стамбуле, он — глава первого постоянного представительства при дворе султана — сумел великолепно наладить дипломатическую и разведывательную службу в столице Османской империи, снабжая российское дипломатическое ведомство ценнейшей и достоверной информацией.

Апогеем дипломатической карьеры Толстого стала филигранная операция по поиску и вывозу из Австрии царевича Алексея в 1718 году. Тому, что вслед за этой дипломатической миссией П. А. Толстому было поручено руководить специально организованной Тайной розыскных дел канцелярией, занятой делом Алексея, удивляться не стоит. Петр знал своих людей: Толстой был не просто инициативным исполнителем его воли — это был человек жестокий, беспринципный, готовый ради поставленных перед ним целей поступиться моралью и, если нужно для дела, даже убить человека, о чем свидетельствует его письмо 1704 года из Стамбула, в котором он описывает, как, обнаружив, что один из служащих посольства вознамерился перейти в мусульманство, отравил его. И новое поручение — уже в застенке Тайной канцелярии — Толстой выполнил, как всегда, блестяще, не останавливаясь ни перед чем. До нас дошли слова, написанные Толстым об одном из подследственных по делу Алексея: «...не надобно ему исчислять застенков, сколько бы их ни было, но чаще его пытать, доколе или повинится, или издохнет, понеже явную сплел ложь»³².

Исследователи, повествуя о Толстом, приводят анекдот о том, как на одной из попок Петр, сам, как известно, не особенно злоупотреблявший дарами Бахуса, приметил, что в компании есть еще один хитрец, который, притворяясь мертвецки пьяным, исподтишка наблюдает за своими собутыльниками — такими простыми душами, как адмирал Федор Матвеевич. Подойдя к нему — а это был Толстой, — Петр якобы сказал: «Голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел».

Многозначительное высказывание! В истории не раз бывало, когда самым изощренным палачом становился тот, кто, мучимый страхом за прежние грехи, вынужден был вновь и вновь доказывать властителю свою преданность. Думаю, что ни Петр, ни Толстой никогда не забывали о верной службе Петра Андреевича царевне Софье, и, помня, что кости мятежных стрельцов и всех, кто стоял за ними, уже давно истлели, Петр Андреевич с еще большим старанием служил Петру, не щадя ни себя, ни своих жертв. И за эту службу Петр щедро платил: после дела Алексея Толстой стал действительным тайным советником, сенатором, обладателем обширных поместий, президентом Коммерц-коллегии. Поэтому в и без того нервную ночь с 28 на 29 января у графа Толстого были особые причины волноваться: приход к власти сына казненного им царевича означал бы для верного царского слуги неминуемую гибель. Отсюда нетрудно понять, на кого делал ставку старый хитрец.

Конечно, между ближайшими сподвижниками Петра не могло быть равенства. Ну, о бесспорном лидерстве Меншикова говорить подробно не будем, приведу в качестве примера лишь подписи под письмом царю петровских генералов и сановников: *«Из-под Головчина, 2-го дня июля 1708-го году. Александр Меншиков. Раб твой Борис Шереметев. Раб ваш Гаврило Головкин. Раб ваш князь Григорий Долгорукой»*³³.

Разумеется, прямых свидетельств ранжирования «птенцов» Петра не существует, но о косвенных говорить можно. Взять для примера принятую систему подписей должностных лиц под официальными документами. Если просматривать один за другим десятки сохранившихся сенатских протоколов за несколько лет, то можно установить определенную закономерность в порядке подписей под ними, хотя формально все члены коллегиального Сената были равны. Как правило, подписи сенаторов идут в две колонки: Например:

Меншиков	Головкин
Апраксин	Матвеев
Мусин-Пушкин	Долгорукий и т. д.

Причем сохранились протоколы, в которых колонки подписей имеют пропуски, явно оставленные для тех, кто должен был подписываться «на своем месте».

Наблюдается следующая закономерность: Меншиков всегда расписывается сразу же после текста протокола, на

«первом месте». Лишь иногда, как в приведенном образце, рядом (на одном уровне с его знаменитым автографом, нацарапанным гигантскими «печатными» буквами,—свидетельство далеко не блестящей грамотности этого почетного академика, члена Лондонского королевского общества) пристраивал свою витиеватую подпись Головкин или Апраксин.

Еще более выразительно размещение подписей саванников, когда Меншиков пропускал заседания Сената, что случалось довольно часто. На большинстве таких протоколов за 1723 год автограф Апраксина расположен выше автографа канцлера Головкина, а Толстой, Брюс или кто иной никогда не осмеливались поставить свою подпись выше подписи Апраксина или Головкина.

Совершенно очевидно, что, несмотря на формальное равенство членов Сенатской коллегии, значение каждого из них было различным и лидерство одних и подчиненное положение других определялись сочетанием многих причин, коренившихся в отношениях, которые складывались совсем не в зале заседания Сената. Шла, конечно, и борьба за власть и влияние. Подчас она была незаметна и бескровна, но вполне реальна. Сравнивая протоколы с подписями Апраксина и Головкина за 1719—1720 годы и за 1723 год, нельзя не заметить, что в 1719—1720 годах Головкин ставит свое имя выше имени Апраксина, но через два года он этого делать не смеет и подписывается только после Апраксина, что, при очевидной повторяемости, прослеживаемой на большом количестве материала, случайностью быть не может. Подписи Брюса, Толстого и других сенаторов по этой же причине никогда не ставились выше подписей Апраксина или Головкина.

Особняком от этих вельмож стоял другой влиятельнейший человек петровской эпохи — генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский. Когда читаешь материалы о нем, то трудно не признать, что Петр умел подбирать себе помощников, определяя их как раз на то место, которое им более всего подходило по характеру и способностям. Ягужинский, так же как многие сподвижники Петра, был выходцем из низов. Пробивший себе дорогу наверх ревностной службой, он обладал многими достоинствами администратора: точностью, активностью, инициативностью, исполнительностью. Вместе с тем он был резок, несдержан на язык. Именно такого человека царь в 1722 году назначил генерал-прокурором, в обязанность

которого входило наблюдение за исполнением законов в Сенате и других государственных учреждениях. Официально названный «стряпчим от государя и государства», Ягужинский имел право непосредственного доклада царю.

Много раз проверенный в деле, он пользовался особым доверием Петра и сделал «справедливость своим ремеслом». Сидя в Сенате за отдельным столом, он сурово наблюдал за тем, как трудились сенаторы, исполняя свой долг. Пунктуальный при передаче и исполнении воли царя, самостоятельный и активный в порученных ему делах, он, являясь официально «оком государя», был одновременно бельмом на глазу для многих сановников Петра, мечтавших, как и все бюрократы во все времена, о тихой, несуетной службе без столь характерной для Петра утомительной самоотверженности и экзальтации, о службе, приносящей почет и удовольствие, а если возможно, то и скромные, помимо жалованья, доходы. Неподкупный генерал-прокурор с его нарочитой прямоотой и тонко рассчитанной смелостью был человеком крайне неудобным для вельмож, особенно для Меншикова, с которым Ягужинский постоянно конфликтовал. Словом, накануне смерти Петра громогласного борца за казенную справедливость сбрасывать со счета никак было нельзя, тем более что он был зятем канцлера Головкина. Воспользовавшись услугами упомянутого выше Бассевича, Меншиков и другие склонили Ягужинского на свою сторону.

В конечном счете сплоченность «птенцов» и решила судьбу трона: в ночь смерти Петра верные им гвардейцы окружили дворец, заблокировав противникам Екатерины возможность провозгласить императором сына царевича Алексея. После краткого совещания вельмож, где некоторые попытались было поставить под сомнение право Екатерины на престол, победили сплоченные «принципалы». Императрицей была провозглашена Екатерина I, которую, как сообщает в своих «Записках» Бассевич, «умоляли не отказываться от престола», чего она, пойдя навстречу горячим желаниям своих подданных, и не сделала³⁴.

Смерть Петра стала важным политическим событием жизни России и всей Европы. Вместе с великим реформатором в прошлое уходила целая эпоха жизни русского общества, неповторимость которой вполне оценили современники.

Петр I на смертном одре
Портрет работы И. Ни-
китина, написанный с на-
туры.

В день похорон Петра Феофан Прокопович, передавая ощущения многих, восклицал: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах как истинная печаль, ах как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший, аки от мертвых, Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождавший и воспитавший, прямой сын отечества своего, отец, которому по его достоинству добрии российстви сынове бессмертну быти желали; по летам же и составу крепости многолетно еще жити имущаго вси надеялися: противно и желанию и чаянию скончал жизнь, и, о лютой нам язве! тогда жизнь скончал, тогда по трудах, беспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех, жити нечто начинал»³⁵

Нет сомнений, что проникновенные слова блистательного оратора, впечатляющие даже через два с половиной столетия, как и вся невиданная ранее длинная и пышная церемония похорон, сопровождались слезами и глубокой скорбью многолюдных толп, провожавших Петра в последний путь до Петропавловского собора.

Но люди, как и всегда, оставались людьми. Они скорбели об утрате и в то же время, присутствуя на многочасовой церемонии, вероятно, мерзли, уставали, разговаривали о пустяках, думали о дне насущном, о будущем. Можно с уверенностью сказать, что не все рыдали на по-

мышей. Тонкий знаток дубка И. М. Снегирев отмечает неслучайность этого образа и соответственно популярности дубка:

«Как волк в отношении к овцам, так и кот в отношении к мышам издревле занимали в баснях и притчах свойственную им роль: тот и другой — утеснителей и мучителей, а овцы и мыши — утесненных и страждущих... Кот поступает с пойманною мышкою подобно опытному кату-палачу, который сперва вымучивает у жертвы своей медленными пытками признание в содеянных и даже несодеянных преступлениях, потом так истортязает у нее жизнь, чтобы чувствовала, как умирает... Мыши — это подданные, утесненные котом — своим владыкою. Свойства и действия людей перенесены на этих животных»³⁰.

Исследователи дубка, наиболее крупным из которых был Д. А. Ровинский, находят в этом, глубоко народном, окрашенном грубоватым, но, как всегда в анекдотах, метким и беспощадным к властителям юмором, немало реалий петровского времени, да и просто элементов процессии похорон первого императора. Здесь и восьмерка мышей, нарождающих восьмерку коней траурной колесницы Петра, здесь и мышь кот чухонки Маланьи лезет полны «сани оладьев», сама же Маланья — пародия на Екатерину — «ходит по-немецки, говорит по-шведски». Среди мышей, собравшихся на похороны со всей страны, много «местных» — из Карелии, Шлюшина (народное название Шлиссельбурга), с Охты.

А вот на сцену идут обиженные котом: «Старая подвигиния седая крыса смотрит в очко, у которой кот изорвал жопу и клычки... Мышь — охтенская перевелёнка (т. е. переведенная по указу на жительство в Петербург, на Охту — Е. А.) несет раненого котом своего ребенка... Идет чыщенот — отшиблено рыло, несет жареную рыбу». А вот идут довольные мыши с окрест: «Грёбко» Дону, из убогого дому, несется песня поспевает, без кота добро жить позволяет... Мышь татарская Аронка тож наигрывает а «олынку» — и т. д.»³¹

Но участникам похорон из правящей верхушки было, конечно, не до уличного юмора. Проснувшись на следующий же день после смерти Петра, они не смогли не ощутить, что ситуация пороенным образом изменилась, что отличие так, как было при Петре, уже не будет никогда, ибо все, что делал Петр — правильно или неправильно, было освящено его верховным авторитетом, его повелем без-

границной властью, полученной им давно и по праву рождения не пуждавшейся в доказательствах и обоснованиях. Самые близкие к нему сановники были под сильным влиянием личности реформатора, они смотрели на мир его глазами, поэтому многие недостатки и пороки системы им преуменьшались или казались легко исправимыми, а решения даже самых сложных проблем — простыми, так как всегда всю ответственность за последствия брал на себя Петр — истинный руководитель страны, мозг и душа начатого им же грандиозного дела.

После смерти его все переменилось. Екатерина управить не могла, тяжесть бремени правления и ответственности теперь ложилась на «принципалов», которые, вроде бы дружно доничалу взявшись за тяжелое бревно власти, несли его с разной степенью усердия и напряжения, есорялись и подсиживали друг друга. Реформы не были завершены, и, стоя в недостроенном Петропавловском соборе в тот момент, когда гроб с телом Петра ставили в крошечную часовню (из которой его перенесли в подготовленную гробницу лишь в 1731 году) они имели перед собой поразительную аллегорическую картину состояния страны в момент смерти Петра: великолепная гигантская колокольня с ангелом на шпиле возносилась на головокружительную высоту, а стены по всему периметру огромного собора были не выше человеческого роста. Но если блестящий зодчий итальянец Доменико Трезини имел утвержденный царем план строительства кафедрального собора и знал наверняка, что и когда делать, то блестящая свита Петра не получила от покойного императора ни указаний, ни советов, никакого плана того, что необходимо предпринять. Собственно, и сам Петр не имел никогда разработанных планов реформ: у него были, как правило, только наброски конкретных преобразований; во многом он руководствовался интуицией, пониманием общих задач, анализом развития тех или иных заданных им же процессов, а нередко действовал бессистемно, не считая при этом необходимым что-либо объяснять. Вместе с ним умерла и та грандиозная лаборатория мысли, которая одна долгие годы определяла все и вся в стране.

Осиротевшим «птенцам» приходилось брести неизведанными дорогами, на свой страх и риск, часто исходя в политике из обстоятельств, а не задуманных планов. И хотя Меншиков с первых дней царствования Екатерины I был признанным лидером правительства, не встре-

чая особого сопротивления среди правящей верхушки, он не обладал ни широтой, ни масштабностью мышления Петра, он не овладел даже его приемами управления, чтобы хотя бы имитировать продолжение прежнего курса, да и, по-видимому, не особенно стремился к этому: жизнь выдвигала на повестку дня десятки срочных проблем, требовавших внимания и решения.

Политика, как известно, есть результирующая различных разнородных факторов, подводных течений, не учитывать которые при прокладке курса государственного корабля невозможно, рискуя иначе посадить его на мель. Теперь самое время сказать об этих факторах.

Оказавшись у власти, Меншиков и другие столкнулись с серьезными внутривластными проблемами, назревавшими задолго до смерти Петра. 1725 год был, в сущности, лишь вторым мирным годом петровского царствования, — с 1695 года почти непрерывно тянулись войны: Турецкую сменила Северная, а Северную — Персидская. Страна переживала довольно тяжелый послевоенный кризис — прямое следствие перенапряжения народного хозяйства в годы войны. Он проявился в росте недоимок в платежах как старой подворной, так и особенно новой — подушной — подати. в усилении бегства крестьян, в явном недовольстве различных слоев общества.

Особенно тяжелы были финансовые дела. Армия постоянно поглощала большую часть поступлений, и все равно денег ей не хватало. Общая сумма недоимок с 1720-го по начало 1726 года достигла, по подсчетам Военной коллегии, 3,5 миллиона рублей при ежегодном подушном окладе в 4 миллиона³⁸. Было очевидно, что разорение как следствие войн и реформ имело хронический характер. Оно усугубилось в первые мирные годы страшным народным бедствием — неурожаем, голодом. В 1721—1724 годах резко подскочили цены на хлеб, возросла смертность населения³⁹. Особую известность получил случай массовой смертности от голода в Пашехонском уезде в 1723 году. Подполковник Трайден, отправленный в Пашехонье с ревизией, сообщал, что «выжили от хлебного недороду и питающихся травами померло разных помещиков дворовых людей и крестьян около 5,5 тысяч душ, то есть 11% мужчин, положенных по уезду в подушную подать. Трайден описал также, что в 1724 году крестьяне пекли хлеб: «1) из одной травы пшты и пшты,

2) из одной мякины, 3) из житной и овсяной мякины с соломой, 4) из лесного моху». Подобные сообщения, приходившие из разных мест, побудили Петра прибегнуть к крайней мере — конфискации излишков хлеба у помещиков для раздачи голодающим крестьянам. Ситуация мало в чем изменилась и в год смерти царя.

Следует отметить, что Петр понимал главную причину бедствий народа. В черновике предисловия к «Гистории Свейской войны» он писал: «Итак, любезный читатель уже довольно выразумел, для чего сия война начата, но понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют»⁴⁰. И тем не менее он не намеревался отказываться от прежнего курса внешней политики и, завершив тяжкую Северную войну, бросил армию на Персию. Введя подушную подать, он не намеревался при этом сокращать численность войск, а, наоборот, приступил к новому витку военно-морского строительства.

Многочисленные свидетельства документов говорят о проявлениях недовольства крестьян политикой властей в 20-х годах XVIII века. Крестьяне последовательно добились «прошения» накопившихся недоимок и штрафов, исключения из оклада подушной подати умерших и беглых (что сняло бы с остальных излишние платежи). Крестьяне требовали освобождения их от строительства полковых квартир и сокращения рекрутских наборов.

Примечателен разговор старосты и десятского, за который оба попали в сыскное ведомство. Вернувшийся в сборную избу десятский, ответственный за сбор подушной подати, воскликнул: «Сбился с ног, ребята, крестьяне денег не дают, что с ними делать?» — за что староста ему отвечал: «Мужики от податей разорились, оскудели. Какой у нас царь? Царишка! Измотался весь. Оставил Москву, живет в Питере и строит город. Пропал весь народ от податей!»⁴¹ Оснований для возмущения было достаточно: по самым приблизительным подсчетам, платежи крестьян в казну за годы Северной войны возросли в три раза.

Деревня и город полнились слухами о предстоящих переменах — неизбежных спутниках смены власти. «Истинно грешно, — пишет в Кабинет коллежский воевода Тормасов, — и не токмо в то время (раньше. — Е. А.) взять с них (крестьян) можно, но и ныне вдруг без тягости выправить не можно, токмо едино у всех упрямство и

это пустым до тех пор, пока, как уверяла комиссия, сочинит обстоятельство и тогда сочинит, то вся дойка оставлена будет»⁴².

О эта вечная российская вера в действительность комиссий! Та, которая действительно возникала в 1726 году, вопрос о недомыслии даже не рассматривала.

Неустойчивость положения правительства объяснялась и тем, что после смерти Петра дворянство, тесно связанное и мушкетер, стало проявлять недовольство и смелее высказывать свои претензии к власти. Дворяне требовали принятия эффемерных мер по борьбе с бегством крепостных, снятия поборов и начеков «за убогую и прописку душ ст. в пропуск». Е. А. в то время переписи: «Сколько лет оброчков в деревнях своих не получаю, — жалуюсь в своей челобитной 1726 года Анна Шереметева, — а что собираю, за беглых крестьян плачу». Если жалобам богатейшей (после, конечно, Меншикова) помещицы верить особенно не следует, то многие мелкие дворяне действительно разорялись. Они засиживали правительственные учреждения челобитными, прося льгот, послаблений, пожалований земель, «деревеншками и людишками». Вынужденные пожизненно исполнить службу в армии и конторах, дворяне настойчиво просили хотя бы длительных отпусков для наведения порядка в имениях, где оставались лишь старики и дети. В феврале 1725 года было начато следственное дело полковника Юшкова, заявившего, что не желает идти поклониться праху Петра: «Что мне у мертвого делать? Я отпущен в деревню, а у живого не часто бывал»⁴³. Другой помещик писал в челобитной в марте 1727 года, что «от 720 году в деревнях моих не бывал, и без смотрения оные деревни пришли во всеконечное разорение»⁴⁴.

Недовольство политикой правительства выражало и высшее духовенство, сидевшее при Петре ниже травы, тигель воды. Член Синода архиепископ Г. Дашков направил Екатерине «донесение», в котором, в сущности, обвинял государство в грабеже церковных богатств «И то правда, церковное имение — нищих имение... И как видно, что судей и приказных не накормить и иностранных не наградить, а богаделен и нищих не обогатить, а дома и монастыри, уже инде и церкви, чуть не богадельнями стали»⁴⁵.

Летом 1725 года началось скандальное следственное дело фактического главы Синода новгородского архиепископа Феодосия Яновского, проявившего открытое

пренебрежение к Екатерине I и выступавшего с возмутительными речами в Синоде: «Бог-де дал ему, императору, кончину, был-де государь великой амбиции... глубоких и беспокойных замыслов, новая одни по другим дела заводил, сегодня великое дело задумал, утро — того больше затеял. С наговора бездушных людей и доносителей о всех, как духовных, так и светских особах, начал иметь, яко о неверных себе, худое мнение и подозрительство... никому начал не верить, только молодым придворным и зловестным людям, для чего и тайных имел шпионов, которые на всех надзирали и так иногда смущали его, что он ночью спать не мог»⁴⁶.

Нет сомнений в том, что все эти и многие подобные им свидетельства складывались в те самые факторы, оказывавшие сильнейшее воздействие на курс послепетровского корабля. И, как всегда бывает в подобных ситуациях, поразительно быстро начались перемены.

Уже 2 февраля 1725 года Ягужинский предложил сенаторам обсудить вопрос о снижении подушной подати, вызывавшей так много недовольства, на четыре копейки, «дабы при нынешнем случае та показанная милость в народе была чувственна»⁴⁷. Предложение Ягужинского одобрено сенаторами, Екатерина I сразу же «опробовать милостиво изволила», и 74-копеечная подушная подать была сокращена до 70 копеек.

В октябре того же года Сенат (и вновь по инициативе генерал-прокурора) рассмотрел доклад «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привести»⁴⁸. Само название доклада ясно говорит о сути самой важной внутриполитической дилеммы: как, не ослабляя армии и флота, улучшить положение крестьянства, страдающего от податей, недородов, голода, злоупотреблений властью. На полях доклада мы читаем комментарии, принадлежавшие кому-то из сановников. Пункт Ягужинского: «От такого нечеловеческого отягощения пришли в крайнюю нищету и необходимо принуждены побегами друг за другом следовать и многие тысячи уже за чужие границы побежали и никакими заставами удержат от того невозможно» — прокомментирован так: «От побегов можно удержат так, надлежит выбрать сотни ков и десятников и положить круговую поруку, усилить караулы»⁴⁹. Против положения о некоторых сокращениях расходов на армию стоит примечание о том, что не следует забывать известную речь Петра на праздновании

Петр Алексеевич (Петр II).

Ништадтского мира о причинах гибели Византии, ибо в армях — основа обороны.

Нам не известно, кто делал эти пометы, но ясно одно: новое правительство вынуждено было начать разрабатывать основы собственной, отличной от петровской, политики, основанной на учете ряда объективных факторов, действие которых было значительно ослаблено при Петре, но игнорировать которые в новой обстановке было уже невозможно. Именно с решений 2 февраля, а точнее, с обсуждения сенатского доклада осенью 1725 года начинается усиливаться, нарастает общая тенденция ревизии петровского наследия, все смелее и пространнее звучат сомнения в правильности тех или иных преобразований, ручейки критики вот-вот сольются в поток, который начнет подмывать казавшиеся еще вчера незыблемыми основы политики Петра. Запахнет контрреформами.

Люди, пришедшие к власти, руководствовались не только объективными обстоятельствами послевоенного положения страны, но и массой субъективных расчетов и намерений. Довольно скоро критику ряда важнейших петровских реформ они начали использовать для упрочения собственного служебного и политического положения, стремясь тем самым заработать определенный политический капитал, притом особо основательной альтернативы

он — «до скончания века... дети Петрова» — выдвинули не смогла. Особенно отчетливо это проявилось в деятельности Верховного тайного совета, образованного через год после смерти Петра — в феврале 1726 года.

Необходимо отметить, что «ятеши» Петра, осуществляя свои, просто еретические для петровских времён мероприятия, руководствовались не только настоятельными требованиями времени или своими политическими амбициями. Они постоянно оглядывались в тот угол политической сцены, где в окружении родовитых семей резвился мальчик — внук Петра Великого и сын несчастного Алексея. Родовитая верхушка — прежде всего кланы Долгоруких и Голицыных — не сумела в переломные часы смерти Петра отстоять свои позиции под напором группировки «новой» знати Меншикова и компании. Не выступали они и оппонентами курсу политики Екатерины, но в течение ее короткого двухлетнего царствования их акции росли непрерывно по мере того, как рос великий князь Петр и вздымалась волна критики петровского наследия. Силотившись вокруг трона Екатерины, они видели, что здоровье императрицы все ухудшается, и уже через год после смерти Петра Великого «фактор Петра, внука Петра», стал, может быть, одним из самых существенных в той политической игре, когда проигравшие отстраивались в лучшем случае на Соловках.

Люди, близкие к юному великому князю были связаны корпоративностью, традициями родовости, родственными связями. Они отвергали реформы и потрахивали ненавистными парнями, вспоминая любезную их сердцу старину. И так получилось, что спустя две с половиной года судьба дала им шанс повернуть петровский корабль, продолжавший двигаться по инерции, в прошлое. Но...

Не тут-то было. Тона петрова
Слова гробом стали великим,
Что было — не воцарено снова,
Россия двинулась вперед —
Ветерана те же, средь тех же жидов.

Но что уже другая, и тоже длинная, история...

1. А. И. Остымов. 2. Екатерина I.
3. В. Н. Таташев. 4. Карл-Фридрих Гольцетинский. 5. Феофан Прокопович. 6. П. А. Толстой.
7. П. Н. Ягужинский. 8.
А. А. Матвейев. 9. А. Б. Мавров.
10. Шах Гусейн

1. Ф. М. Апраксин. 2. Петр I.
 3. А. К. Нартов. 4. Я. В. Брюс.
 5. А. Д. Меншиков. 6. М. М. Го-
 литын. 7. Г. И. Головкин. 8.
 А. П. Вольинский. 9. П. П. Ша-
 фиров